

УДК 904(477.54./62)„653”

ББК 63.444(4УКР5)

С16

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

головний редактор: провідний науковий співробітник відділу
пам'яток археології **Г. Є. Свистун**

члени колегії: д.і.н. **О. О. Тортіка**,
к.і.н. **В. В. Колода**,
к.і.н. **В. С. Аксьонов**

С16 Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження : збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово- та хозарознавства / упоряд. Г. Є. Свистун. — Х. : Видавець Савчук О. О. ; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. — 208 с. ; 68 с. іл. — Випуск 3.

ISBN 978-966-2562-34-7

Пропонований збірник містить наукові праці українських, російських та болгарських дослідників, в яких відображені актуальні проблеми салтово- та хозарознавства, вводяться до наукового обігу нові дані доби раннього середньовіччя Південно-Східної Європи. Також порушуються актуальні для сьогодення питання збереження археологічної спадщини.

УДК 904(477.54./62)„653”

ББК 63.444(4УКР5)

На першій та четвертій сторінках обкладинки: артефакти з Кочетокського та Нетайлівського могильників, а також з Мохначанського городища. Дослідження та фото Г. Є. Свистуна, В. І. Квітковського, В. С. Аксьонова, В. В. Колоди

Видавець: ФО-П Савчук Олександр Олегович
61093, м. Харків, вул. Соціалістична, буд. 21, оф. 6.

Тел.: 095.462.18.10

www.savchhook.com • e-mail: savchhooks@mail.ru

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготівників та розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 3897 від 14.10.2010 року

Формат 60x84₈ Папір офсетний та крейдований.

Друк ризографічний та цифровий.

Гарнітура Palatino Linotype. Підписано до друку 16.01.2013 р.

Умовн. друк. арк. 24,2. Наклад 500 прим.

Надруковано з готового оригінал-макету

в друкарні ФО-П Петров В. В.

Єдиний Державний реєстр юридичних осіб та фізичних осіб-підприємців.

Запис № 2480000000106167 від 08.01.2009.

61144, м. Харків, вул. Гв. Широнінців, 79в, к. 137;
тел. (057) 778-60-34; e-mail: bookfabrik@rambler.ru

Наукове видання
(в авторській редакції)

Технічний редактор О. О. Савчук
Відповідальний за випуск Г. Є. Свистун
Дизайн обкладинки С. В. Місяк

© ОКЗ «ХНМЦОКС», 2013

© Видавець Савчук О. О., макет, 2013

ISBN 978-966-2562-34-7

СИМВОЛЫ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ В ЗАХОРОНЕНИЯХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ С ТЕРРИТОРИИ ХАРЬКОВЩИНЫ

Анотація. Робота вводить у науковий обіг матеріали катакомбного поховання № 94, котре було досліджено у 2012 р. на Верхньо-Салтівському IV могильнику. В похованні була знайдена хрестоподібна підвіска, що виконувала роль хрестика. Матеріали цього та інших поховань біля с. Верхній Салтів (кат. № 15 Верхньо-Салтівського головного та № 30, 85, 99 Верхньо-Салтівського IV некрополів), а також поховань № 144, 159 могильника Червона Гусарівка свідчать про те, що частина рядового населення басейну Сіверського Дінця у другій половині VIII – IX ст. н.е. було знайоме з християнським вченням, котре співіснувало з язичницьким світоглядом. Про таке положення справ свідчить збереження явно язичницьких елементів у поховальному обряді болгарського та аланського населення Хазарії, а також подвійна природа хреста як головної християнської святині, з одного боку, та стародавнього язичницького символу – з іншого боку. Все це слід розглядати як факт того, що салтівське населення басейну Сіверського Дінця прийняло християнську віру лише формально.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, Верхній Салтів, катакомбне поховання, алани, християнство.

Abstract. The work introduces into scientific use the materials of catacomb burial No. 94, which was researched in 2012 at Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) IV ground burial. In this burial a cross-shaped pendant was found, it was used as pectoral cross. The materials of this and other burials near the village Verchniy-Saltov (Upper Saltov) (catacomb No. 15 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) basic and No. 30, 85, 99 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) IV ground burials), and also the materials of the burials No. 144, 159 of the Chervonaya Gusarovka burial go to prove that the part of ordinary population of Seversky Donets river basin in the second half of the VIII-IX centuries was familiar with Christian Teachings which were mixed with and existed together with pagan worldview. Such circumstances are proved by the fact of saving typical pagan elements at burial ceremony of Bulgarian and Alans population of Khazar Khaganate, and also by the fact of the dual nature of the cross: as a basis of Christian holy shrine on the one hand and as an ancient pagan symbol on the other hand. All this is to be considered as a fact that Saltov population of Podontsovie only formally accepted Christianity.

Key words: Saltovo-Mayatskaya culture, Verchniy-Saltov, catacomb burial, Alans, Christianity

Письменные источники свидетельствуют о проживании в Хазарском каганате наряду с населением, придерживающимся язычества, мусульман и христиан [1, с. 165; 2, с. 411]. Каган и его окружение в то же время исповедовали иудаизм [2, с. 327; 3, с. 108]. Однако, археологически эти данные в полной мере не подтверждаются. Так, археологами на памятниках салтово-маяцкой культуры (даже не территории домена кагана) пока не найдено ни одного предмета иудейского культа [4, с. 173]. Следы мусульманства в последнее время были выявлены на памятниках степного варианта салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца. Здесь открыты захоронения «зливкинского» типа середины IX–X вв., совершенные в соответствии с мусульманской погребальной традицией [5; 6]. С этой точки зрения интересно указание Ибн-Хаукаля, что среди внутренних болгар, занимавших территорию нижнего и среднего Подонья, наряду с мусульманами

есть и христиане [7, с. 218]. Это позволяет надеяться, что все же удастся выявить среди салтово-маяцких захоронений бассейна Северского Донца погребения христианского населения Хазарского каганата. Поэтому, каждая новая находка, которую можно рассматривать как предмет христианского культа, не может не вызывать интереса.

В 2012 г. совместной экспедицией Харьковского исторического музея и исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина была исследована катакомба № 94, обнаруженная на южной окраине исследуемого участка Верхне-Салтовского IV могильника. Катакомба была обнаружена по пятну дромоса на глубине 1,0 м (восточный край) – 0,7 м (западный край) от современной поверхности почвы. Дромос был ориентирован по склону оврага по линии восток – запад с незначительным отклонением к югу (азимут 115°). На уровне обнаружения он в плане

имел форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами размерами 2,7×0,4 м. Заполнение дромоса светло-серого цвета состояло из материковой глины, перемешанной с черноземом. В заполнении встречались мелкие кусочки природной извести. По цвету заполнение дромоса лишь незначительно отличалось от окружающего материка. Заполнение однородное до самого дна. В западной, расположенной ниже по склону, части дромоса было зафиксировано две ступеньки. От последней ступеньки дно дромоса было горизонтальным до самой восточной торцевой стенки. Первая ступенька была зафиксирована на 0,3 м ниже уровня обнаружения пятна дромоса. Размеры (ширина/высота) ступенек следующие: первой – 0,4/0,55 м; второй – 0,37/0,35 м. Глубина дромоса у восточной торцевой стенки, где находился вход в погребальную камеру, составляла 2,1 м от современной поверхности почвы. Вход-коридорчик шириной 0,4 м и глубиной 0,1–0,12 м, вырубленный в восточной торцевой стенке дромоса, вел в погребальную камеру. Камера по отношению к дромосу была продольная, ее длинная ось почти совпадала с длинной осью дромоса (азимут 110°). В плане погребальная камера имела форму эллипса размером 1,71×1,05 м. Пол камеры находился на одном уровне с дном дромоса.

В погребальной камере было произведено парное захоронение (Илл. 1: 1). Костяки принадлежали молодой женщине и ребенку 2–3 лет. Погребенные были уложены в вытянутом положении на спине, ногами ко входу в погребальную камеру. Костяк женщины с прямыми ногами и вытянутой вдоль тела левой рукой располагался параллельно правой боковой стенке камеры. Ее правая рука была слегка отведена в сторону так, что ее кисть перекрывала кости левой руки ребенка. Какой-либо погребальный инвентарь при костяке женщины отсутствовал.

Костяк ребенка с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми ногами лежал вдоль левой боковой стенки камеры. В отличие от женщины, ребенка сопровождали личные украшения. Так, у его черепа была обнаружена бронзовая бляшка-нашивка (Илл. 1: 7), которая украшала в древности матерчатую налобную повязку. В районе нижних ребер были расчищены остатки ожерелья, которое состояло из четырех бисерин синего цвета (Илл. 1: 2, 3), од-

ной 2-х секционной стеклянной бусины серебристого цвета (Илл. 1: 5), одной стеклянной цилиндрической бусины зеленоватого цвета (Илл. 1: 4) и одной плитчатой глазчато-полосатой бусины плохой сохранности (Илл. 1: 6). В состав ожерелья входила крестовидная подвеска плохой сохранности из оловянно-свинцового сплава (Илл. 1: 8).

Данное захоронение совершено в полном соответствии с языческой погребальной обрядностью раннесредневековых алан. Однако присутствие в детском захоронении крестовидной подвески позволяет по-другому взглянуть на данный комплекс.

Найденная подвеска реконструируется как литое изделие в виде ромбического щитка, три угла которого украшены пирамидкой из трех полусфер (Илл. 1: 8; 2: 5). Четвертый угол ромба переходил в петельку для подвешивания. Внутреннее поле ромба покрыто выпуклым орнаментом из нескольких полосок, расположенных перпендикулярно одна по отношению к другой и образующих своеобразный «сетчатый» или «шашечный» орнамент. Реконструируемая высота подвески 2,4–2,5 см, ширина – 1,9 см. Аналогичные подвески в количестве 20 экземпляров были обнаружены в одиночном женском захоронении № 85 того же Верхне-Салтовского IV могильника (Илл. 2: 4). При этом шесть крестовидных подвесок входили в состав ожерелья и располагались в районе груди погребенной женщины. Остальные были, по-видимому, пришиты к подолу её платья. От найденного изделия они отличаются только размером – 2,6–2,7×2,0 см.

Еще две подобные крестовидные подвески были обнаружены при костяке № 4 в катакомбе № 15 Верхне-Салтовского основного могильника (Илл. 2: 1, 2) в 1984 г. экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В. Г. Бородулина [8, с. 4, рис. 1: 27]. Одна подвеска была найдена при костяке № 2 в катакомбе № 30 Верхне-Салтовского IV могильника (Илл. 2: 3). Эти подвески по форме больше напоминают крест, чем подвески из катакомб № 85 и 94. Они также отлиты из свинцово-оловянного сплава в односторонней форме. Подвески размером 2,4×2,5 см имеют форму равноконечного креста. Середина креста оформлена в виде развернутого под 45° квадрата, поле которого украшено «шашечным» орнаментом. Верхний конец

креста преобразован в петельку для подвешивания, остальные три конца оформлены в виде трех соприкасающихся дисков, закрепленных на невысоком стержне.

Мне представляется, что данные подвески следует рассматривать как своеобразные символы христианской веры, получившие свое распространение среди населения, в мировоззрении которого еще основное место занимало язычество. Свидетельством этому могут служить подобные находки с христианских памятников Восточной Европы. Так, нательные кресты со стилистически близко оформленными концами – в виде трех соприкасающихся дисков (кресты трехлопастноконечного типа) – неоднократно встречались на памятниках IX–XIII вв. Киевской Руси [9, с. 200, табл. XXVI: 30, с. 224, табл. I: 21, 22]. Оформление средокрестия подвесок орнаментом в виде перечеркнутого косым крестом ромба отмечено на нательном кресте из листового серебра (вторая половина X – начало XI вв.) из погребения № 124 с Киевского некрополя [10, рис. 1: 1]. Средокрестие довольно часто имеет узор из ромба с вписанным внутри его крестом на крестовидных подвесках «скандинавского» типа, датированных XI–XII вв. [11, с. 210, рис. 1: 5]. Для периода «двоеверия» характерно и кустарное изготовление христианских символов. Так, в древнерусских памятниках второй половины X века нательные кресты вырезались из арабских серебряных дирхемов [10, с. 223, рис. 1: 6]. Показательны случаи, когда языческие солнечные амулеты преднамеренно ломались, и, таким образом, превращались в изображения креста Господня [12, с. 205; 13, с. 127, рис. 1: 23].

Таким образом, подобные крестовидные подвески в захоронениях Верхне-Салтовского могильника могли играть роль и как символа христианской веры, и как своеобразного языческого амулета-оберега. С языческим мировоззрением данные подвески связывает их оформление. Так, центральной фигурой подвесок является ромб (кат. № 85, 94) или квадрат (кат. № 15, 30), что у многих народов мира является символом «своего», организованного и освоенного пространства, символизирует горизонтальную структуру мирового дерева. Исследователями отмечается связь квадрата с такими идеями как единообразие, порядок, земля [14, с. 630]. Фигуры в

виде ромба представлены уже в памятниках раннеземледельческих культур Евразии, где они обычно тракуются обычно как символ плодородия или собственно земли [15, с. 57–64]. Подквадратная горизонтальная мира известна и скифам, и осетинам [16, с. 125]. «Пашечный» орнамент, каким украшены центральные части рассматриваемых подвесок, специалистами трактуется как символ вспаханной нивы, подготовленной к посеву земли [15, с. 22]. Принимая во внимание все вышесказанное, расположенные в углах ромба строенные полусферы (кат. № 85, 94) и строенные полусферы на стержне (кат. № 15, 30) следует рассматривать как символ произросших на вспаханном поле побегов или ростков. Как отмечают исследователи, у квадрата как символа земли могут быть выделены углы. В этих точках нередко помещаются «малые» мировые деревья [14, с. 630]. У осетин сохранилось сказание, в котором за невесту – дочь солнца – Сослан должен был заплатить калым в виде четырехугольного дворца с посаженными по углам листьями дерева из подземного мира [17, с. 108]. К тому же, крестовидные подвески, благодаря оформлению концов в виде стилизованного трехлепесткового цветка на стебле, повторяют в плане начертание такого раннеземледельческого символа как «ромб с крючками» [15, рис. 1: 57–64]. Последний же у многих народов мира был символом божества земли, дающего жизнь всему живому [18, с. 107]. К тому же крест сам по себе у многих народов выступает сакральным символом.

Использование вещей со многоплановым сакральным подтекстом вполне допустимо в условиях, когда за приоритет в обществе ведется борьба между несколькими мировоззрениями. Именно такая ситуация и существовала в Хазарском каганате, где в обществе наряду с язычниками существовали представители христианства, мусульманства и иудаизма. Это подтверждается находкой крестика-тельника в детском погребении их катакомбы № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (Илл. 2: 6) [19, с. 360, рис. 2: 12]. Нательный крестик отлит из бронзы. Он односторонний. Изделие имеет форму равноконечного креста с петелькой для подвешивания на одном из концов. Его размеры: высота с петелькой для подвешивания – 2,2 см, ширина – 1,6 см. Середина креста имеет едва

заметные ромбовидные очертания. Концы креста оформлены в виде стилизованного трехлепесткового цветка или в виде трех соприкасающихся дисков, что сближает данное изделие с крестами трехлопастноконечного типа, которые неоднократно встречались на памятниках IX–XIII вв. Киевской Руси [9, с. 200, табл. XXVI: 30, с. 224, табл. I: 21, 22]. Очертание концов найденного креста сближает его и с крестовидными подвесками так называемого «скандинавского» типа, датируемых концом X – началом XI–XII вв. [11, с. 210, рис. 1]. Некоторые исследователи предполагают византийское происхождение крестов «скандинавского» типа, а местом производства подобных крестов на территории Юго-Восточной Европы считают Крым [20, р. 255]. По-видимому, в качестве места изготовления крестика из катакомбы № 99 следует также считать Крымский полуостров. В качестве отдаленной аналогии кресту из катакомбы № 99 можно назвать крест с фигурными концами (тип 5, вариант 3) из склепа 210 могильника Эски-Кермен, найденный с вещами второй половины VIII в. [21, с. 167, 169, рис. 8: 10]. К произведенным в Крыму крестам исследовательница склонна относить изделия, представляющие собой дешевые, выполненные из бронзы копии византийских крестов из драгоценных металлов [21, с. 170]. Крестик из катакомбы № 99 относится именно к разряду таких дешевых бронзовых изделий, тогда как все кресты «скандинавского» типа серебряные. Обнаружение в данном захоронении креста-тельника свидетельствует, что часть аланского населения Северо-Западной Хазарии придерживалась христианской религии. Хотя при ребенке вместе с нательным крестиком был обнаружен достаточно представительный набор языческих аланских амулетов – бронзовая подвеска в виде когтя птицы, бронзовая подвеска в виде лошадки, подвеска из клыка животного, две подвески-печатки, которые были подвешены к поясу [19, с. 357, рис. 2: 4–6, 13, 14]. Символ же христианской веры располагался в наиболее значимом с мировоззренческой точки зрения месте – в области верхней части груди человека. В данном случае мы имеем дело со случаем, хорошо представленном в древнерусских материалах так называемого периода «двоеверия», когда в языческую среду только начинают проникать элементы хри-

стианской религии и что находит отражение в одновременном использовании и языческой, и христианской символики [22, с. 18; 23, с. 246, ил. 37–39]. О том же свидетельствуют и крымские материалы VI–IX вв., где кресты носились в составе ожерелья или в низке бус, вместе с разнообразными амулетами и подвесками [21, рис. 10–14, с. 179]. При этом крест, по-видимому, не только обозначал принадлежность верующего к христианству, но и служил своеобразным оберегом, ибо часто в ожерельях присутствовало одновременно 2–4 креста [9, табл. XLVII: 6; 21, рис. 10: 2, 3; 11; 12: 1; 22, с. 17; 23, ил. 37] или же они входили в наборы амулетов, где каждая вещь имела далекую от христианства символику [11, с. 212; 24, с. 116]. Однако, кресты в древнерусских комплексах конца XI–XIII вв. занимали центральное место в ожерелье [22, с. 17], как это имело место и в катакомбах № 15, 30, 85, 94, 99 Верхнего Салтова. Данные археологии, как и письменные источники, показывают, что на Руси даже в середине XIII – начале XVI вв. характерно присутствие крестов и иконок в составе ожерелья [25, с. 95]. Как считает ряд исследователей, «...христианские символы могут соединяться с языческими, и притом, как надо думать, не в целях только украшения» [26, с. 85].

Показательно, что крестовидные подвески и крестик-тельник из Верхнего Салтова были найдены в большинстве своем при костяках детей. И только в одном случае (в катакомбе № 85) крестовидные подвески входили в состав ожерелья молодой женщины. По материалам Крыма VI–IX вв. кресты носили, в основном, женщины и дети (девочки) [21, с. 173]. Подобная ситуация отмечена и в древнерусских погребальных памятниках XI–XII вв. [22, с. 16]. Присутствие их в уборах детей объясняется тем, что из-за высокой смертности дети больше других возрастных групп населения нуждались в сакральной защите креста [22, с. 16].

Помимо катакомбных захоронений салтово-маяцкой археологической культуры крестовидные подвески и нашивки встречены в ямных захоронениях могильника Червоная Гусаровка. Так, в погребении № 144 была найдена бронзовая литая крестовидная подвеска размером 3,4×3,7 см (Илл. 2: 7). Она представляет собой равноконечный крест, концы которого оформлены в виде окружно-

стей диаметром 0,8 см, в одной из которых проделано отверстие для подвешивания. Остальные концы подвески украшены солярным орнаментом. Середина крестовидной подвески украшена орнаментом в виде ромба с кругом посередине. В захоронении № 159 на шее ребенка была найдена нашивка в виде равноконечного креста, размером 3,0×2,6 см. Нашивка изготовлена из двух тонких бронзовых пластинок, скрепленных между собой бронзовой заклепкой. Концы привески несколько расширены и имеют по небольшому пластинчатому выступу, которые согнуты в трубочки и таким образом образуют четыре петельки (Илл. 2: 8). Благодаря этим петелькам привеска крепилась к одежде погребенной. В обоих случаях нательные символы христианской веры сопровождали костяки малолетних детей, как это имело место и в указанных выше аланских катакомбных захоронениях. Обе эти находки были найдены в захоронениях, обрядность которых сохраняла яркие языческие черты (сосуды в головах, личные украшения и т.п.).

Разнообразие типов, материалов и способов изготовления крестовидных подвесок/нашивок из комплексов салтово-маяцкой культуры верхнего течения Северского Донца указывает на то, что они изготавливались от случая к случаю. Так, крестовидная подвеска из погребения № 144 могильника Червоная Гусаровка, по мнению В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной, возможно, была сделана из крестовидного навершия булавки балтского типа [27, с. 161, прим. 18]. Такое положение вещей было обусловлено спросом на предметы христианского культа как на особую категорию вещей, символическое значение которых было хорошо понятно. При этом оформление данных предметов культа, по-видимому, зависело от эстетических запросов заказчика. Присутствие в некоторых крестовидных подвесках языческих мотивов указывает на то, что часть аланского населения была христианами лишь формально, хотя аланы с IV–VI вв. были знакомы с христианством, то есть еще до их переселения в бассейн Северского Донца в 30-е годы VIII века. Как свидетельствуют источники, даже в XI в. христианизация алан Северного Кавказа была слабой [28, с. 59]. Так, в катакомбном Змейском могильнике XI–XII вв. нательные кресты были найдены лишь в некоторых отдельных погребениях, да и те свя-

зываются исследователями с влиянием Киевской Руси [29, с. 134]. В достоверно христианских захоронениях алан XII–XIV вв. на погосте около храма на городище Верхний Джулат нательные кресты не были выявлены вообще [30, с. 106].

Таким образом, рассмотренные находки позволяют говорить о знакомстве рядового салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца во второй половине VIII–IX вв. с христианским учением, которое переплеталось и мирно сосуществовало с языческим мировоззрением. О таком положении дел свидетельствует сохранение явно языческих элементов в погребальном обряде болгарского и аланского населения Хазарии, а так же двойственная природа креста как основной христианской святыни, с одной стороны, и как древнего языческого символа – с другой.

Таковы небольшие материалы, позволяющие говорить о распространении христианского учения в среде смешанного населения северо-западной окраины Хазарского каганата во второй половине VIII–IX вв.

Литература:

1. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гурган и Поволжье IX–XI вв. / Б. Н. Заходер – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 278 с.
2. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов – М.–Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. VII. Ал-Мукаддасий. VIII. Мас'уди. IX. Ибн-Хаукаль / Н. А. Караулов // СМОМПК. – Вып. XXXVIII. – Тифлис, 1908. – С. 1–130.
4. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата / М. Г. Магомедов – М.; Наука, 1983. – 224 с.
5. Копыл А. Г., Татаринцов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце / А. Г. Копыл, С. И. Татаринцов // СА. – 1979. – № 1. – С. 267–269.
6. Кравченко Э. Б., Гусев О. А., Давыденко В. В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим данным) / Э. Б. Кравченко, О. А. Гусев, В. В. Давыденко // Археологический альманах. – № 7. – Донецк: «Лебедь», 1998. – С. 113–140.
7. Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах (с половины V в. до конца X в.) / А. Гаркави – СПб.: Типография Императорской АН, 1870. – 308 с.

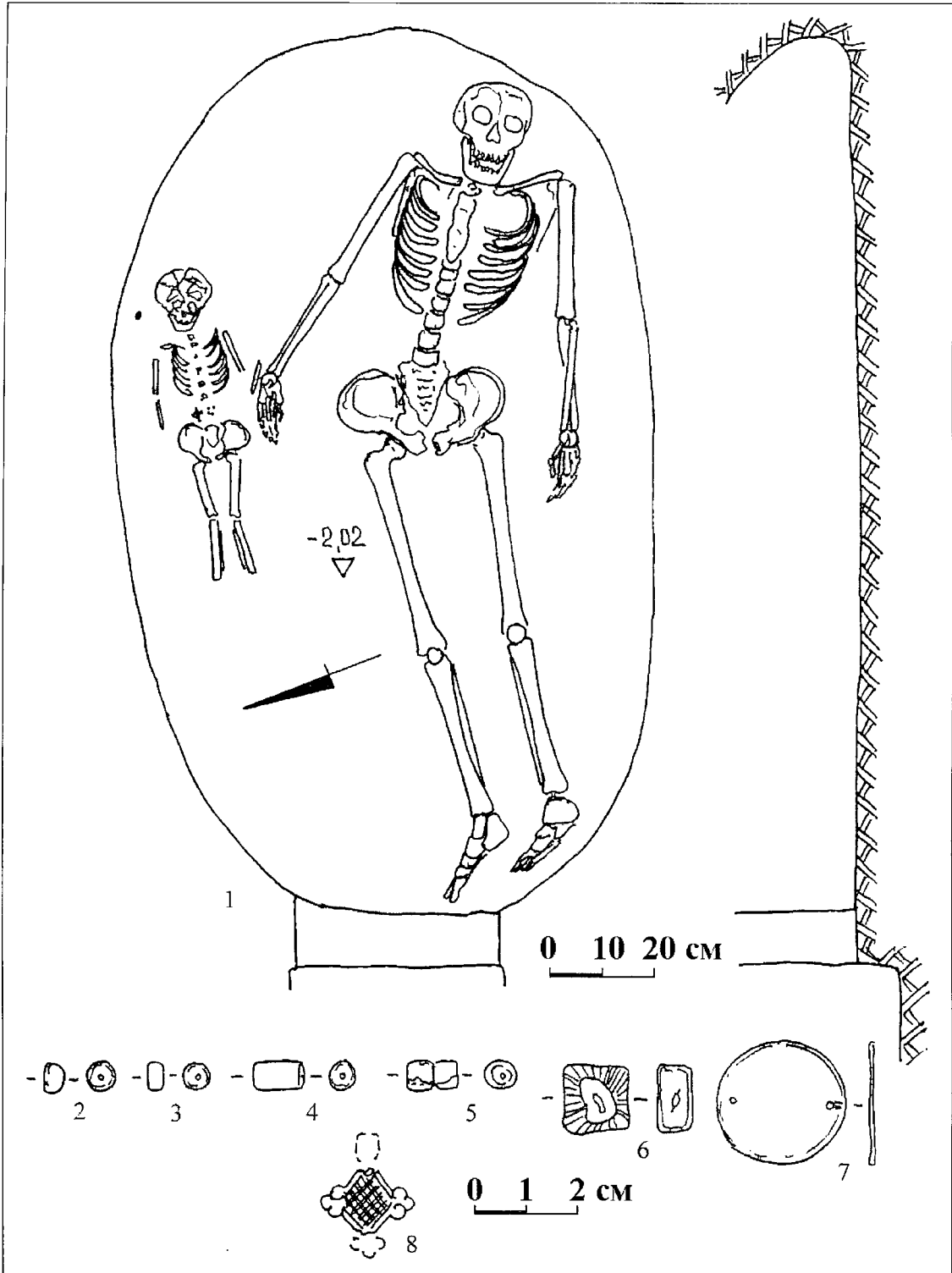
8. Аксенов В. С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине / В. С. Аксенов // *Finno-Ugrica*. – Казань: Институт истории АНТ, 1998. – № 1 (2). – С. 3–12.
9. Седов В. В. Славяне в VI – XIII вв. / В. В. Седов – М.: Наука, 1982. – 326 с.
10. Недошивина Н. Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра / Н. Г. Недошивина // *СА*. – 1983. – № 4. – С. 222–225.
11. Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа / М. В. Фехнер // *Славяне и Русь*. – М.: Наука, 1968. – С. 210–214.
12. История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X в. / Пер. с армянского К. Патканова – СПб., 1861. – 361 с.
13. Ковалевская В. Б. Хронология древностей Северокавказских алан / В. Б. Ковалевская // *Аланы: история и культура*. – Владикавказ: СОИГИ, 1995. – С. 123–183.
14. Топоров В. Н. Квадрат / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира*. – Т. 1. – М.; НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. – С. 630–631.
15. Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» / А. К. Амброз // *СА*. – 1965. – № 2. – С. 14–27.
16. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен / Д. С. Раевский – М.: Наука, 1977. – 216 с.
17. Демюзиль Ж. Скифы и нарты / Ж. Демюзиль. – М.: Наука, 1990. – 229 с.
18. Голан А. Миф и символ / А. Голан – М.: Руслит, 1993. – 375 с.
19. Аксёнов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) / В. С. Аксёнов // *Сугдейский сборник*. – Киев – Судак: ТОВ «Горобець», 2010. – Вып. IV. – С. 354–364.
20. Petrukhin V., Pushkina T. Old Russia: the earliest stages of Christianization / V. Petrukhin, T. Pushkina // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum waren des 8–14 Jahrhunderts*. – Stuttgart, 1997. – Bd. 2. – P. 247–258.
21. Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма / Э. А. Хайрединова // МАИЭТ. – Симферополь: Таврика, 2007. – Вып. XIII. – С. 151–182.
22. Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестиками и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) / Н. А. Макаров // *КСИА*. – 1991. – Вып. 205. – С. 11–21.
23. Мильков В. В. Комментарии к иллюстрациям / В. В. Мильков // *Введение христианства на Руси*. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – С. 214–252.
24. Мальм В. А. Крестики с эмалью / В. А. Мальм // *Славяне и Русь*. – М.: Наука, 1968. – С. 113–117.
25. Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья / Д. А. Беленькая // *СА*. – 1976. – № 4. – С. 88–99.
26. Анучин Д. Н. О христианских крестах и образках в могилах средней и западной России / Д. Н. Анучин // *Труды X Археологического съезда в Риге*. – Т. III. – М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. – С. 83.
27. Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства / В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина // *Archeologia Abrahamica*. – М.: «Индрик», 2009. – С. 157–177.
28. Куссаева С. С. Аланский катакомбный могильник XI–XII вв. у станции Змейской (по раскопкам 1953 г.) / С. С. Куссаева // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии*. – Т. 1. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. – С. 51–61.
29. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) / В. А. Кузнецов // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии*. – Т. 1. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. – С. 62–135.
30. Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат / О. В. Милорадович // *МИА*. – 1963. – № 114. – С. 87–106.

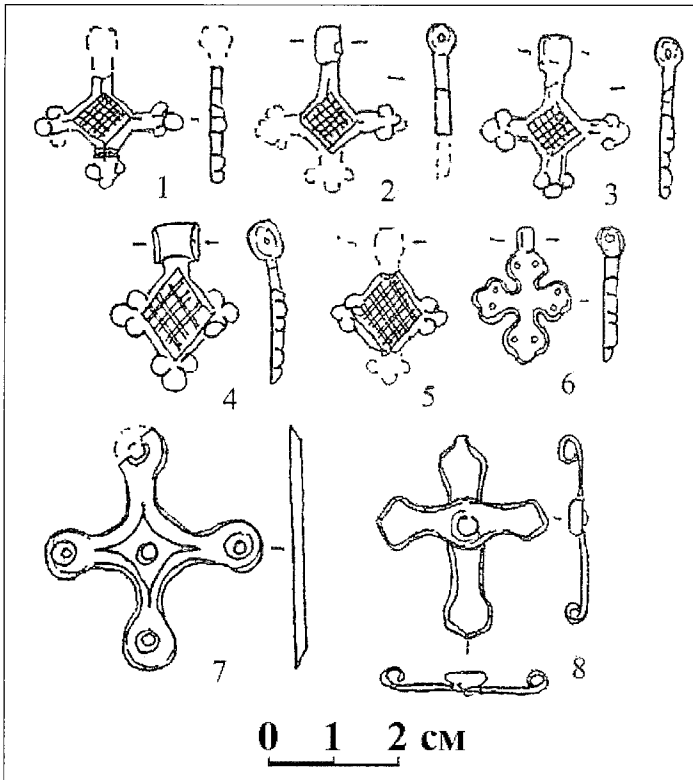
ІЛЮСТРАЦІЇ

К статье В. С. Аксёнова

«Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины»

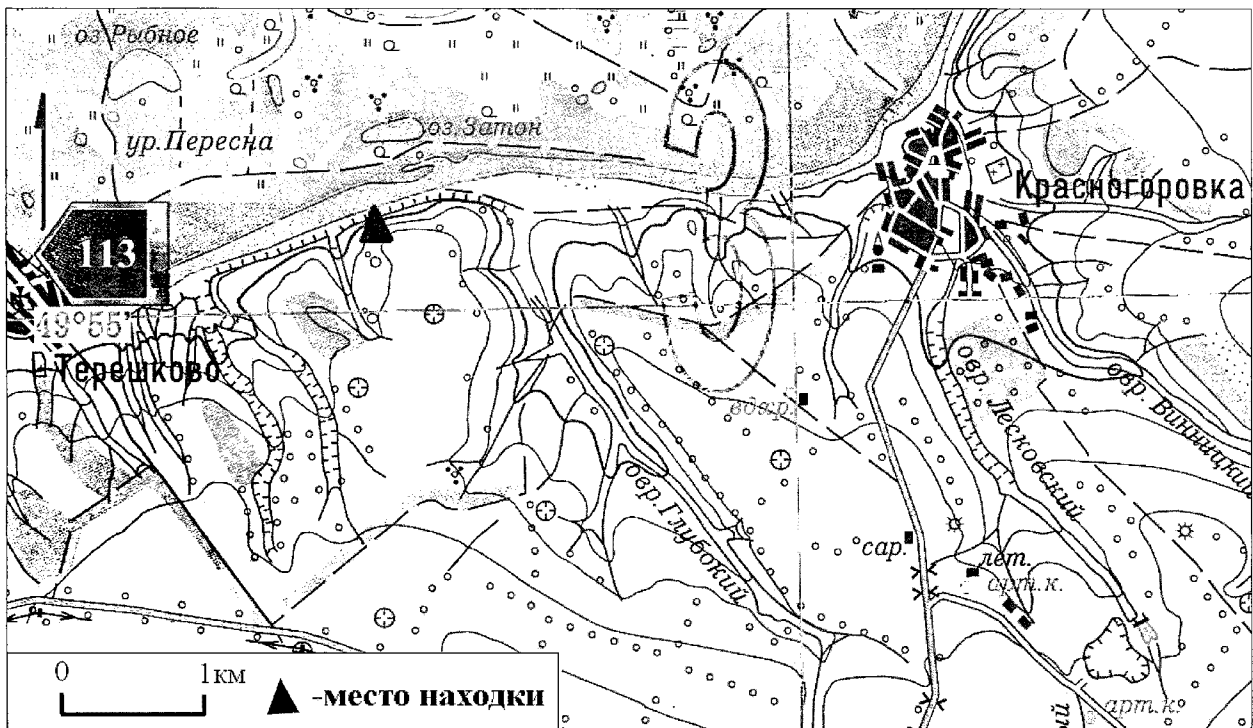
Илл. 1. Катакомба № 94 Верхне-Салтовского IV могильника.
1 – план погребальной камеры; 2–8 – инвентарь захоронения

Илл. 2. Символы христианской веры из салтово-маяцких захоронений Подонцовья.

- 1, 2 – катакомба № 15 ВСМ-I;
- 3 – катакомба № 30 ВСМ-IV;
- 4 – катакомба № 85 ВСМ-IV;
- 5 – катакомба № 94 ВСМ-IV;
- 6 – катакомба № 99 ВСМ-IV;
- 7 – погребение № 144 могильник Червоная Гусаровка;
- 8 – погребение № 159 могильник Червоная Гусаровка.

К статье В. С. Аксёнова и В. Д. Березуцкого
 «Разрушенное погребение салтово-маяцкой культуры у с. Терешково»

Илл. 1. Месторасположение разрушенного погребения у с. Терешково